

Тимофей Надолин

МЯУ!!! Я СКАЗАЛ!!!!!!

12+

Тимофей Викторович Надолин

Мяу!!! Я сказал!!!!!!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56589423

SelfPub; 2020

Аннотация

Один увлекательный день из жизни домашнего молодого, озорного кота, рассказанный им самим.

УТРЕННИЙ МОЦИОН

Привет.

Я только что проснулся и не могу решить куда отправить-ся сначала – на кухню или в туалет. И туда и туда хочется одинаково сильно, но мне по природе своей положено быть ленивым и поэтому я всё ещё лежу с закрытыми глазами и ломаю свою умную голову.

Чтобы сходить в туалет, ничего, кроме желания, которое уже переполняет, не требуется. А вот идти на кухню без некоторых предварительных действий бесполезно. Сначала надо разбудить или мамку, или папика, потому что сам я не смогу открыть холодильник и достать из него хавчик.

Почему не смогу?

Да потому, что я – Кот.

Вот именно так, с большой буквы, и назвали меня Аристарх. Необычное для простого, непородистого Котика имя, но я не обижаюсь, а если честно, мне даже нравится – солидно, не то что какой-нибудь Пушок или Барсик. Тьфу, примитив! А Аристарх – это звучит уважительно, даже тогда, когда меня ругают. А ругают меня часто, потому что я хоть и ленивый, но ещё дикарь, озорник и фулиган (это так папик говорит), ему виднее – он писатель и в русском языке разбирается лучше меня, так что я не спорю, пусть будет фулиган. Как меня не обзывай, а хулиганить я всё равно не перестану.

Так, чё-то я тут с вами заболтался, а между тем одно из

желаний, которое менее приятное, уже сильно подавливает. Так и оконфузиться можно, а это стыдно. Я хоть по возрасту и не такой уж солидный, как по имени, но соответствовать надо.

Значит встаём.

Э-эх, хорошо потянулся, до хруста.

Теперь открыть глаза, включить ночное видение, так как ещё рано и темно, перелезть через мамку, по пути выпустив когти (может, проснётся), и погромче прыгнуть с дивана.

Бум!

Хорошо получилось. Звонко.

Так, зашевелилась.

Давай, давай вставай! Я жрать хочу!

Не, бесполезно. Перевернулась на другой бок, к папику прижалась и дальше спать. Ничего, щас я пописаю и займусь вами. Я не злой и не вредный, я просто есть хочу. Режим у меня. Потому что я ещё расту и правильное, обильное питание очень этому способствует.

Ну и кто из вас дверь в туалет так плотно закрыл?!

Эй, сони, я вас спрашиваю!

Тишина. Коне-ечно, утренний сон важнее чем мой переполненный мочевой пузырь.

Ладно, сам справлюсь, но потом держитесь у меня. Дам я вам поспать, ждите.

Ай, ай, ай, ай.

Пол в туалете какой холодный. Потому что под ванной ды-

ра в подвал, небольшая, я даже в раннем детстве голову просунуть не смог, но дует из неё очень даже прилично, вследствие чего в ванной немного холоднее, чем во всей квартире и долго находиться здесь я не люблю. Сделал дело – заскреб и вперёд.

Ну так, здесь всё. Легко-то как стало, аж пробежаться захотелось.

Захотелось – делай. Это мой девиз.

Ну и куда побежим?

А почему бы не совместить приятное с полезным? И размяться и мамку разбудить.

На старт, внимание, марш!

В комнату, теперь по прямой сквозь табуретку, разворот, на кресло, на его спинку, оттолкнуться посильнее и повыше и приземлиться прямо на мамку. Всеми четырьмя лапами.

– Ористарх, – сказала мамка сонно и жалобно.

Она так говорит, когда у неё или плохое, или, наоборот, хорошее настроение. Сейчас явно первое, потому что попыталась ещё меня на пол скинуть.

Щас. Как же.

А вот руку ты зря из-под одеяла вытащила. Руки я кусать очень люблю. Особенно в мякоть между большим и указательным пальцем. Но тут надо не перестараться, чтоб мамке не сильно больно было, а то можно действительно нарваться.

Куда?!

Опять спрятала.

Как назло ничего больше, кроме пятки папика, из-под одеяла не торчит. А вот её лучше не трогать, не то точно получишь. Бывает сильно, а бывает, что называется, любя. Выяснить, как будет на этот раз, чего-то не хочется.

А жрать-то охота.

Там, в холодильнике, консерва моя стоит, и в ней ещё больше половины вкусного питательного паштета. Как бы сейчас он мог уютно лежать в моём желудке, который далеко не с напёрсток, как говорят в этой глупой рекламе по телевизору. В него десять напёрстков влезет, а если постараться, то и больше.

Но холодильник большой, а я маленький.

Но наглый, и поэтому продолжим.

Применим менее быстрый, но более эффективный способ пробуждения мамки. Надо потихонечку прокрасться к её лицу, улечься поближе и включить «трактор» (как говорит папик). Ещё можно посопеть прямо в ухо. А лучше и то и другое.

Ага!

Всегда срабатывает.

– Аристарх, ты знаешь сколько время?

Ты чё, с ума сошла? Откуда я знаю?

Я в часах, которые на стене висят, не понимаю. Мне время мой желудок подсказывает.

Время ку-у-ушать!!!

По большому счёту, ещё, конечно, рановато, но это не от-

говорка. Завели Кота – извольте стойко переносить тяготы и лишения, сопутствующие этому. Хотя тех тягот-то.

Покормить да туалет за мной помыть.

Тьфу, если положи лапу на сердце.

А лишений вообще никаких, одни пользы различные.

Какие, спросите.

А чёрт его знает, но точно есть. Потому что не может не быть. Иначе зачем я вообще на свет народился?

Опять засопела.

Ну ладно. Давай кто кого пересопит. А я ещё и лапу тебе на нос положу.

– Аристарх, отстань.

Ни-за-что!

Ну, то есть за паштет из консервы я, положим, отстану. Ещё отстану за блюдечко молока или сухарики, которые специально для меня куплены. Рыбка варёная может меня уговорить какое-то время вести себя прилично.

А без всего этого, ну ладно, хотя бы без одного из этого, я буду тарахтеть, сопеть, кусаться... Да я ещё много чего придумать могу.

Ну вот, давно бы так. Вылазь, вылазь. Я знаю, что под одеялом тепло, я там был, но вставать надо, потому что есть у тебя очень срочное и najważнейшее дело – любимого кота покормить. А иначе никак нельзя.

Во папик даёт. Вроде спит, а мамку по заднице и во сне погладил, когда она через него перелазила. А, это она ему

руку отдавила коленом.

Мне бы по ушам досталось на её месте.

Любовь. Ах, ах, ах.

И мамка туда же. Поцеловала его.

Эй! Хорош! А не то я ещё долго приёма пищи буду ждать.

Я вас совсем не для этого будил.

Слава богу, пронесло.

Так, сейчас будет тапки полдня искать. А совсем неудивительно. У них на двоих четыре ноги (неудобство какое), а тапок шесть, и все около дивана стоят. Попробуй попади в темноте в два одинаковых.

Смотри-ка ты, попала. Молодец мамка. Ну теперь пошли на кухню.

На кухню я сказал, а не в туалет. Я там уже был, там холодно.

Нет, вы только посмотрите. Наглость какая.

Как будто нельзя сначала мне пожрать насыпать, а потом уже свои надобности справлять. Только о себе и думают. То ли дело я. Ведь не разбуди я её, что бы было?

Наконец-то пришла. А я тут уже давно сижу, около своей тарелки. Заметьте – пустой тарелки.

МЯУ!

За чайник схватилась – кофе или чай будет заваривать?

М-Я-У!!!

Сегодня кофе.

МЯ-ЯЯ-УУУ!!!! Я сказал!!!

– Погоди, Аристарх.

Чё годить-то? Так и с голоду сдохнуть можно.

Ну, насчёт сдохнуть это, конечно, я чуть преувеличил, но из этого не следует, что я готов ждать пока вы сами соизволите. Нет, я буду требовать. Например, о ногу потрусь, помурлычу жалобно, потому что в этой ситуации наглость только помешать может. Согласитесь, что тому, кто вас кусает, вы пожрать с меньшей охотой даёте, чем тому, кто мягкий и пушистый.

– Лоренция, принеси попить, пожалуйста!

Какой попить? Спать ещё надо, а не пить.

Холодильник открыла. Думаете за моей консервой полезла? Как бы не так. Папику за минералкой. Ну вон же банка рядом стоит, открытая уже, надо только взять и вывалить мне на тарелку. Всего делов-то. А папик подождёт.

Нет, как видно, не подождёт. Это мне опять ждать придётся. Ладно, хотел я разрешить вам ещё поспать, после того как мне поесть дадут, да, видно, не судьба. А нечего резину тянуть – любимого кота ожиданием напрягать. Теперь я вас напрягать буду.

Ну наконец-то. За консерву мою взялась.

Сюда её, в тарелочку. Да не жадись, не жадись, всё выскребай, мне много не бывает.

– Аристарх, не мешай.

Я мешаю? Я помогаю.

Всё вывалила?

Дай посмотрю.

Ладно, эти крошки можешь оставить.

Ох, вкусный какой паштет. С говядиной. Что такое говядина я понятия не имею, но мне она нравится. Не так, конечно, как курятина, однако отменная пища. Мягонькая, хоть и из холодильника, жуётся хорошо, да почти и не надо жевать, сама распадается, а главное всё в ней есть – и витамины, и углеводы, и другие замечательные добавки. Так хорошо, что аж жмуришься от удовольствия и чуть-чуть повизгиваешь. Не верите – попробуйте, а потом поспорим.

ШАЛИТЬ, ТАК ШАЛИТЬ

Ну вот, поел, попил, с усов своих длиннющих всё облизал, щёчки, лапки помыл, теперь можно и делами заняться. Чё я там обещал? Понапрягать кое-кого. Это можно, но чего-то расхотелось. Я когда сытый – добрый.

Вообще-то я всегда добрый, ну кроме тех случаев, когда меня достают всякими тисканьями. Мол, ай-яй-яй, какой котик хорошенький, у-сю-сю. Я сам знаю, что я хороший, и нечего тут телячьи нежности разводить. Терпеть ненавижу, когда меня гладят, потому что я здоровый, молодой, озорной Кот, а не какой-нибудь жалкий кастрированный пузырь, которого, кроме как пожрать да поспать, больше ничего не интересует. Советовали тут некоторые провести со мной эту живодёрскую операцию, но папик сказал, что скорее совет-

чика сам кастрирует, чем позволит надо мной издеваться. Молодец папик, уважаю! Что я поросся какая, чтобы мне яйца резать? Так я от этого больше сала не дам. Говорят, орать буду, гулять, заразы всякой нахватаю, а то вообще убегу. Чё я дурак от бесплатного хавчика на вольные, а поэтому трудные хлеба подаваться? Тёплую постелю на холодный сырой подвал променять я вовсе не согласен.

С другой стороны, гулять я, конечно, буду, фиг меня удержишь, потому что на улице всяких занимательных разностей великое множество. Я знаю, я в окно видел. Одно только меня беспокоит – какое-то всё там белое и даже на взгляд холодное. Говорят, это зима, но она скоро кончится, и наверняка станет ещё интересней. Я так думаю.

Мне мама говорила (моя мама, родная), что летом на улице тепло и приятно и очень много интересных и полезных занятий и вещей, а мама врать не будет. Зачем это ей, она ведь о нас беспокоилась и даже мышек нам таскала, чтобы мы научились сами себе пищу добывать, вдруг пригодится. Тьфу, тьфу, тьфу. Не дай бог.

А вообще-то, я сейчас мышку погонял бы. После хорошего завтрака надо немного размяться. Но мышки нет, а есть у меня, то есть у папика на журнальном столике, коробок спичечный. Замечательно он катается, и по полу и по паласу, и при этом ещё бренчит так весело.

Опа, не получится.

Папик-то, оказывается, спать дальше передумал. Это у

него бывает. Соскочит, бывает, что и раньше меня, телевизор включит потише, чтобы мамке не мешать и смотрит свой футбол или фильму какую.

Я тоже пару раз пытался посмотреть. Футбол ещё туда-сюда, весело наблюдать как маленькие такие человечки бегают и мячик пинают, бодают, только надоедает мне это быстро. Поймать их нельзя, ни человечков, ни мячик, а так я бы с ними побегал.

А вот фильму совсем неинтересно смотреть. Непонятно ни чего.

О, папик в туалет намылился, успею коробок слямзить.

Мамка спит? Спит. Ну пусть спит, не мешает. Кофе, как обычно, недопитым оставила, продукт только перевела.

Ага, минералка в стакане. Всегда мне любопытно было откуда в ней пузырьки берутся? На вкус она неважнец, а шипит прикольно и брызгается. Мордочку если поближе держать, щёкотно и свежо – приятно. А если их лапой эти пузырьки, может они ещё прикольной зашипят?

– Ариста-арх.

Некогда мне.

– Ты какого хрена сюда залез?

Да подожди ты.

– Ну-ка, слазь давай.

Сейчас, сейчас.

– Куда лапой? Я тебе.

Ну чё за шкурку-то, как котёнка какого-то. Не больно –

обидно. Я бы сам слез. Может быть. Вот один пузырик бы поймал и слез бы.

Ну и чё мне в кресле делать? Конечно, мягко тут, лежать приятно, даже подремать можно, только не хочу я дремать, а тем более спать.

А чего я хочу?

Коробок погонять, так не слямзил я его. Отвлекли меня загадочные пузырьки, я про него и забыл совсем. А теперь уже поздно – папик вернулся. Второй раз он меня на табуретке точно не потерпит. Он и первый раз не потерпел, но наказывать не стал, а вот если дальше продолжать наглеть, дело может закончиться плюхой, а рука у папика тяжёлая и такая быстрая, что я редко когда увернуться успеваю. Однако лупит он меня редко и всегда за дело, тут уж не поспоришь. Если там залез не туда куда надо, а из таких мест только журнальный столик, или укусил очень сильно, и то только в том случае, если это была моя инициатива, а если папика, а я увлёкся или разозлился, то он просто пошипит, прямо как я, но никогда даже не замахнётся. Справедливый у нас с мамкой папик.

Только играет он со мной не очень часто, потому что очень много сидит перед своим компьютером и что-то там пишет. Я раз попытался поучаствовать, когда его дома не было, да навернулся с того стола. Очень неудачно навернулся. Правую заднюю лапку вывихнул.

Ох и орал я тогда. Как орал!

Мамка с кухни прибежала, запричитала, на ручки меня подхватила, увидела, что лапка у меня неправильно торчит, и ну со мной в унисон орать. Ну, не орать, это я, конечно, приврал, но слёз немало было пролито. У меня уже и боли-то почти нет, а она всё плачет и плачет. Удивило меня такое ко мне отношение и растрогало, так что я два дня лежал больше от чувств, чем оттого, что ходить не мог.

Лапа, кстати, так в сторону и торчит, но это мне вовсе не мешает. На скорость и манёвренность ничуть не сказалось.

Папик фильму какую-то смотрит, которую уже, по-моему, не раз смотрел, потому что больше на компьютер косится. Опять какие-то мысли у него появились. Это по лицу видно. Оно такое серьёзное становится, почти глупое, губы выпячиваются и глаза стекленеют. Сейчас можно не то что коробок у него из под носа стащить, а вообще всё что угодно, он и не заметит.

– Аристарх, опять лезешь? Щас по жопе получишь.

Ой, ой, ой, напугал. Первый раз, что ли?

– Ариста-арх.

Ну мне же только коробок и всё. А прикурить и от зажигалки можно.

У-я!

Больно же!

Ладно, прощаю. Тем более что коробок сбросить я всё-таки успел, а поднимать его папику – очень большая лень, так что по жопе не зря получил.

Оба-на. Туда его, сюда его. Левой лапой, теперь правой. Обо что это я головой шмякнулся? А, это тумбочка. В другую сторону. О, прямо в мамкин тапок. Вместе с тапком погоняем.

Веселуха!

Ну и чем я хуже футболистов?

Папик, глянь. Таких финтов по телевизору не увидишь, это я тебе говорю.

– Чем он там гремит?

Во и мамку заодно разбудил.

– Спичками. Аристарх, спички детям не игрушка.

Как так? Ещё какая игрушка. Подожди, из тапка вытащу – покажу.

Вот смотри.

Опа. Опа. Ну как, правда здорово?

Ничего смешного. Ну упал, так те, в телевизоре побольше моёго падают и ничего, не смешно почему-то.

А ты, мамка, чего вздыхаешь? Снова разбудил? Пора уже, светло вон совсем.

– Смотри, как он лежит.

Как? Нормально лежу. Как упал, так и лежу – задницей на стену навалился, так что лапы вверх, а хвост между ними на животе. Между прочим, очень удобно. Я же над тобой, папик, не смеюсь, когда ты лежишь на самом краю дивана, а ноги на спинку кресла закидываешь. Тебе так удобно, а мне так.

Что, мамка, тапок потеряла? Да вон он, под сервантом, я его туда загнал. Да не под креслом, под сервантом. Нашла? Ну вот.

– Аристарх, отдай коробок.

Ишь чего придумала. Я его с таким риском для задницы добыл, а она «отдай». Да ни в жисть.

Не отдам, я сказал.

– Ну чё, драться будем?

Будем!

– Чего ты опять пасть свою раскрыл?

А укушу.

– Давай, не вредничай.

МЯУ!

М-Я-У!

МЯ-ЯЯ-УУУ!!!! Я сказал!!!

Сильная, да? Справилась. Маленького, худенького котика как не победить. Сама вон какая большая, с разгона не столкнёшь.

Иди, иди, не подлизывайся.

Не надо меня гладить, я обиделся. И вообще, положи где взяла. Вот прямо туда, на пол, задницей к стене.

ФУ-У. Целовать-то зачем? Прямо в нос. Иди вон папика целуй, ему это нравится, а меня не надо. А, говори, не говори, всё равно целует.

Ну всё, успокоилась? Слава богу. А то я уже хотел меры принимать. Как цапнул бы за губу... Нет, за лицо нельзя, и

не потому, что мамка у нас очень красивая, а потому, что нельзя и всё. Это даже я понимаю. А вот за палец это самое оно. Но опять же не сильно. Хоть и обидела она меня, но очень больно ей делать не надо, она ведь всё равно хорошая и меня любит. А коробок что, я себе другую игрушку найду.

Ну чё вы меня всё в это кресло пихаете? Не хочу я спокойно сидеть. Мне бегать надо. Это папик налупится пельменей и на диван, брюшко налёживать, а мне надо быть красивым и стройным, потому как скоро (наверное) лето, а как я на улицу выйду, если у меня пузо будет по земле волочиться. Срамота.

Так, коробок у меня отобрали, клубки, которые мне мамка ко всему, к чему только можно, привязывала, я все оторвал и закатил туда, откуда и сам достать не могу, кушать не хочу, в туалет тоже. Чем заняться-то?

Ну-ка на спинку кресла залезу – оттуда видно всё.

Не всё, оказывается, отсюда видно. Вот что там, на шкафу? Книги стоят – это понятно, а за ними что? Наверное, что-нибудь очень интересное. Допрыгну или нет?

Далековато конечно, но попробовать стоит.

– Ну чё телишься? Прыгай.

Можно, что ли? Тогда это я сейчас.

Раз!

Опа, опа, опа. Мамочка!!!

– Чё у вас там за грохот?

Мамка с кухни беспокоится.

– Аристарх до шкафа не долетел.

Долететь-то долетел, да не рассчитал немного, а зацепиться там оказалось не за что – полировка. Скользящая как... я не знаю что.

– Аристарх, бедненький, ушибся, наверное?

Ну-у, так...

– Да чё ему сделается.

Как чё?

– Как чё?

Мамка, ты, что ли, мои мысли читаешь?

– Он же кот, он падать умеет.

Это точно, умею.

– Ага, а со стола тогда грохнулся, чуть лапу не сломал.

Это да, как-то не ловко тогда вышло.

– Не сломал же.

Какой ты, папик, всё-таки нехороший типчик. Даже не жалко тебе меня нисколечко. Вон мамка то ли дело, прибежала, приласкала, (НЕ НАДО ЦЕЛОВАТЬ!!!), не то что некоторые.

– Давай я тебя подсажу.

Вот это мысль, спасибо мамка.

Так, что у нас тут?

Железяка какая-то. Мамка как-то что-то в неё ставила и поджигала – красиво довольно-таки. Как же она их назвала-то? А, вспомнил – свечи. Не пахнет ничем, а на зубок? Фу гадость какая. Но горят замечательно.

А это что за шнурочки, в бантики завязанные?

– Аристарх, это папины рукописи, не трогай.

Ладно, не больно-то и надо было. Я вон за книжками хотел посмотреть.

И чё? Ничего, что ли, тут нет? Ну-у, я так с вами не договаривался. Могли бы что-нибудь от меня здесь спрятать, жалко, что ли? А пыли-то, пыли! Пойду цветочек понюхаю. Так, этот не очень вкусно пахнет. А этот? Этот вроде ничего, но те, которые на кухне стоят, лучше, горькие только.

Кстати, цветочки цветочками, а мной-то тут вообще не пахнет. Это большое упущение, надо метку оставить. Вот на этой толстенной книжке и засвидетельствуем. Щёчкой потрёмся и готово, теперь понятно, что я здесь живу и это территория моя.

Ну ладно, пора слезать. Мамка, ты где? Куда ушла? Кто меня снимать-то будет?

МЯУ!

– Чё ты там вякаешь? Прыгай.

М-Я-У!

–Аристарх, ты не наглей. Подними его, сними его. Сам прыгай вон на диван.

МЯ-ЯЯ-УУУ!!!! Я сказал!!!

– Не мякай, не маленький уже.

Так да? Лень задницу от кресла оторвать? Хорошо, я прыгну, только если я покалечусь, тебе, папик, отвечать. Мамка тебя тогда загрызёт, а я помогу.

Опа!

Повезло тебе, папик, – удачно я спрыгнул. Если честно, то даже понравилось. Диванчик мягонький, пружинит здорово. Ещё раз, что ли, залезть? А, ладно, потом как-нибудь.

– Ну вот, больше орал. Молодец.

Мо-ло-дец. Без сопливых солнце светит.

– Кис-кис-кис!

Мамка, что за кис-кис-кис? У меня имя есть, забыла, что ли?

– Аристарх, иди сюда!

Ну вот, другое дело, а то как какого-то бродяжку зовёт, а я кот домашний, благородный. Чего тебе? Если снова гладить меня собираешься, то я резко против. Сколько можно? А-а, молочко! Это здорово. Я, конечно, ещё не проголодался, но... пусть мне будет хуже.

М-м-м, вкуснотища какая. Холодненькое. Лопну, а всё вылакаю.

ЧЁРТОВА ТАБУРЕТКА

То ли лежал я неудобно, то ли объелся, но послепервообеденная (в смысле после первого обеда) сиеста прошла не совсем удачно. Приснилась мне какая-то бяка. Не в смысле, что что-то одно большое и противное, а просто сон какой-то дурацкий. Как будто я в своей квартире с кем-то нехорошим из-за территории быюсь. Рассмотреть-то толком этого про-

тивного врага не могу и всё лапами по воздуху молочу, молочу, а попасть не то что не могу, а как будто он здесь и в то же время нет его. Странно... и страшно. И сама квартира какая-то не такая. Грустная какая-то. И холодная. Диван и кресла съёжились, тумбочка и стол перекошились, в серванте стёкол нет, а телевизор и компьютер, хоть и включены, но почему-то каким-то нехорошим светом горят. Пол какой-то скользкий и вспученный, потолок низкий, стены кривые – ужас, короче. Этот ещё, нехороший который, вокруг меня прыгает, да так быстро, что и не уследишь. А потом как будто саданули мне в правый бок и я об косяк как шваркнулся и... тут и проснулся.

– Ты чё орёшь спросоня?

Тебе бы, папик, такое приснилось, я бы посмотрел, как ты бы заорал.

Тьфу ты, чёрт, до сих пор трясёт. Таких кошмаров у меня ещё не бывало. Снилось раньше всякая дрянь, типа того что вся моя жратва испортилась, а мне есть охота, просто мочи нет, или что я в ванну упал, а там не только воды полно, а ещё и с пеной, которая в нос, в рот лезет. Бе-е. Но такого страха ещё никогда не было.

Так, надо срочно стресс снять.

Есть два способа. Один распрекраснее другого. А именно: провести экстренную заправку организма питательным паштетом – это первый, очень хороший способ, или немного пошалить, а лучше много. А ещё лучше сначала первое и

сразу же за ним второе.

Ага, паштета нет – это плохо. Зато есть сухарики – это хорошо. Кроме того, что они вкусные и полезные, они ещё и хрустят так здорово. Только обязательно потом надо водички или молочка попить, не то они в желудке как деревянные становятся, перекатываются, гремят и царапаются. А ещё знаете что замечательного в этих сухариках? Во-от, не знаете. Они ещё могут великолепно пригодиться во втором способе снятия стресса. Гонять их по всей квартире ничуть не хуже, чем коробок спичечный. Гремят они, конечно, не так звонко, зато катаются лучше.

– Аристарх, ты опять продуктами безобразничаешь.

У меня стресс, мне можно.

Ну раскидаю немножко, так у вас эта шипелка есть – мой враг номер один. Папик недавно купил. Называется пылесос. До чего неприятная штука. Сама чёрная блестящая, из неё такая вертлявая ребристая кишка вылезит, тоже чёрная, к ней блестящая труба присобачивается, а у той на конце ещё и щётка, жёсткая, как гвоздей понатыкали. А как этот аппарат шипит, так лучше бы и не слышать никогда. Конечно, чисто после него, тут ничего не скажешь, но лучше бы мамка, как раньше, – веником. Ширк-ширк и никаких шипений.

Но мамке больше нравится меня этим чудовищем пугать. Не специально, конечно. Раз в день обязательно включает, ну а чтобы не зря шипела, это я уж постараюсь. Вот прямо сейчас и буду стараться, только сухарик надо найти.

Так, под креслом нету, под диваном не видать. Может, в коридоре? Нет, я туда не бегал.

Стоп! А чего я его ищу? У меня на кухне почти полтарелки осталось – шали не хочу.

Во-от они лежат. Ну-ка, сколько я за один раз на пол выкинуть смогу?

Хлоп!

Ого! Девять штук, нет, десять. Здоровая у меня лапа. А ну, другой лапой.

Раз, два, три, четыре... одиннадцать.

Ни фиги себе!

– Аристарх, ты чё, совсем с ума сошёл?

Погоди, мамка, я тут рекорды устанавливаю, а ты мне не мешай.

Куда забрала?!?!

Вот вредная какая, ещё и в холодильник спрятала.

Так да? Ладно, тогда я у тебя на ноге кататься буду.

– Аристарх, я же упаду.

Хорош врать-то.

– Чё он там опять?

Чё я? Шалю я, папик, шалю.

– Чё, чё, опять вон в ногу вцепился.

Мамка, кончай болтать, поехали в комнату. Да не трясись ты ногой, всё равно не стряхнёшь, я крепко держусь: лапами за ногу, зубами за тапок.

У-я!!! Ты чё, озверела что ли?!?!

– Ой, Аристарх, прости.

Ничего себе прости. Башкой об табуретку. Слепая, что ли, не видишь куда любимого кота катаешь? Аж синенькие-зелёнькие из глаз брызнули.

– Аришашечка, бедненький, мамка дура.

Это ты правильно самокритику наводишь, только я всё равно обиделся. Всё настроение мне испортила. Сяду вот тут в уголок у тумбочки, как бедный родственник, и умываться буду – это у котов вместо медитации, успокаивает хорошо и гигиена.

Нет, вообще в другую комнату уйду. Там тоже диван есть и кресло, об которое можно когти поточить, а то те что в большой комнате стоят, какой-то хитрой тканью обтянуты. Не зацепишься за неё, так что залезть на них только с разбегу получается.

Чего, папик, смотришь? Иду я в другую комнату, тебя не трогаю, потому что на тебя я тоже обижен. Не помог мне со шкафа слезть, сиди вон стучи по своему компьютеру, пиши свои книжки. Кстати, интересно было бы почитать. Мамка говорит, что ты про меня пишешь. Если так, то давай не отвлекайся. Только правду пиши, а то у тебя фантазии хватит каким-нибудь монстром меня сделать с другой планеты. Что про меня тогда думать будут, а? А я хороший, только озорной, так это даже несомненный плюс – книжка веселее получится.

Ладно, куда это я шёл?

Во мамка приложила, все мысли попутались.

Так, раскрасивой мордочкой своей стою к двери в маленькую комнату, а чё мне там надо было? Наверное, хотел на окне посидеть, на улицу посмотреть. А чего я там не видел? Это когда снег идёт, тогда интересно наблюдать, как снежинки падают, но сегодня снега нет, а даже совсем наоборот – солнышко светит, значит не за тем шёл.

Ну вот, опять проблема. Не мог же я просто так, без дела, сюда идти. Да? Да.

– Аристарх, ты чё на самом проходе уселся?

А я с вами, мама, не разговариваю. Перешагнёте, не сломайтесь.

– Смотри, Тима, обиделся как будто.

Не как будто, а обиделся. Тебе бы табуреткой да по башке.

– Пообижается – перестанет.

Тебе тоже.

– Пойду я в магазин схожу.

– Зачем?

Да, зачем?

– Кормить вас надо чем-нибудь.

Надо. Меня-то уж точно, а папику можно и попоститься, а то об него не только табуретку – тумбочку можно сломать.

– Фарш куплю, вечером чебуреки постряпаю, и этому деятелю чего-нибудь. Аристарх, тебе чего купить?

Мне? Всего. И побольше.

– Есть же у него чё пожрать.

А ты, папик, не встревай, когда серьёзные вопросы решаются. Это ты у нас с мамкой всеядный, а я существо нежное и чё попало жрать не буду. Вот ты, когда у своего компьютера сидишь, вообще можешь весь день не питаться, а я не могу. Во-первых, потому что у меня образ жизни намного активнее, а во-вторых, расту я ещё.

Оба! Это чё, дверь хлопнула?

Эй, мамка!

Ну вот, ушла уже. Пожелания мои не выслушала.

Нет, ну это ж надо, сама спросила – и сама ушла. Совсем, что ли, меня за члена семьи не держат, ну так я о себе напомним. Пойду вон у неё из халата пояс вытащу, потому что не надо его так бросать, а надо вешать в шкаф. У вас же кот живёт – надо на это делать огромнейшую поправку. Вещи не раскидывать, чайные пакетики закрывать в коробку, двери в шкафу даже чуть-чуть приоткрытыми не оставлять. Я ведь и сам всё раскидаю, всё распотрошу, всё вытащу и ещё много чего натворю.

Халатик у мамки замечательный. Лёгонький, мягонький и блестящий, прямо как моя шёрстка. На ощупь я имею в виду. Шелковистый. Моя шерсть, хоть и не шёлковая, и подлиннее будет, но тоже здоровская. А запах какой (у халата)! Нравится мне очень, как он после стирки пахнет. Порошком стиральным и немножко мамкой.

– Аристарх, ты чё мамкин халат хочешь на себя напялить?

Ну, напялить, не напялить, а поваляться на нём хочу. И на

спине, и на пузе, и на обоих боках, и мордочкой потереться. А как же, надо чтобы он и мной пах, потому что здесь всё должно мной пахнуть. Я здесь хозяин.

Лучше запаха, чем мамкин, нету – это так папик говорит. Тут я, конечно, готов поспорить. Например, мой паштет намного приятней пахнет, или сухарики, я уже не говорю про свежее мясо или курицу. Но на вкус и цвет товарищей нет. А ещё мне очень по душе как пахнет стиральным порошком и мамкиными каплями в нос, я у неё даже весь пузырёк изжевал. А когда мамка постирает, то в тазике лежать ну просто одно удовольствие. Он прохладненький и пахнет... Ну, я уже говорил.

– Аристарх, ты чё там на мамкином халате припух? Извращенец маленький.

Ой, ой, ой. Не такой уж я и маленький.

Но папик прав. Чё-то я тут задержался. Хотел же поясом пошалить, да задумался. Ничё, сейчас наверстаем.

Так, не вылезит почему-то. А ну, с другого конца.

Где он тут, другой-то конец?

Во-о-от он спрятался, иди сюда. О, пошёл, пошёл.

Я тут на днях, по телевизору, видел одну занимательную штуку. Называется змея. Такая же пёстрая и длинная, как пояс от мамкиного халата, а шипит, ну прямо как я, когда разозлюсь. Наверное, очень здорово с ней играть. Вот только пасть у неё страшная, с двумя клыками и с двумя языками. Клыков-то у меня, положим, побольше будет, но у неё

страшнее.

Так, с какой стороны у нас будет голова? Вон с той, что от меня подальше, а я её за хвост, за хвост.

А, не нравится?!

Я тебя ещё не так потреплю – нечего на меня из телевизора шипеть.

Ты ещё и пищать! Пощады просишь? Не дождёшься!

Хотя как это она может пищать, когда она и не змея вовсе, а пояс от мамкиного халата? Никак она пищать не может.

А кто тогда пицал? Я ясно слышал четыре противных писка.

Тьфу ты, чёрт! Это ж домофон – мамка из магазина пришла. Ну точно, вон и папик из-за своего компьютера вылез, встречать пошёл.

А я первый.

Заходи, мамка, заходи, пакеты вот рядом со мной на полку ставь.

– Держи быстрее – тяжёлые.

Видно, что тяжёлые. Ну ты, папик, ставь сюда.

– Чего так долго?

Ставь, говорю!

– Да как обычно – народу много, а касса одна работает.

МЯУ!

– Да мужик ещё какой-то то одно забудет, то другое.

М-Я-У!!!

– Пока мелочь всю пересчитал на три раза.

МЯ-ЯЯ-УУУ!!!! Я сказал!!!

– Короче, всё у нас через это самое.

– Понятно.

Куда понёс?! Я же ещё не посмотрел.

Ладно, на кухню можно.

Так, ты, мамка, раздевайся давай, а мы с папиком с пакетами разберёмся.

Чего у нас тут?

Ага, у меня масло в бутылке, сок помидорный в коробке, картошка, свёкла и лук – ничего вкусного.

У тебя, папик, чего?

Чё молчишь-то?

Ничего, сейчас я на подоконник залезу – сам всё увижу.

Уйди, штора!

Та-ак, яйца (варёные очень люблю), фарш (и варёный и сырой), курица (тоже в любом виде), сыр плавленый (ням-ням), мороженое (объеденье), а вот и мой паштетик.

Конечно, всё вкусное себе захапал, а мне вон овощи подсунул, а я от лука чихаю как простуженный.

Ты, папик, фарш в холодильник не прячь, а то об замороженный можно зубы поломать. И курицу тоже, а паштетик мой открой и мне на тарелочку.

– Фарш в морозильник?!

Я же тебе говорю.

– Нет, пусть размораживается!

Ха! А ты не верил. Мы же с мамкой лучше знаем.

– Так он вроде не шибко мёрзлый!

Ты чё такой упрямый-то?

– Тем лучше. Сейчас тесто заведу и буду чебуреки стряпать!

Понятно тебе, нет?

– Ясно! Я его тогда в чашку положу!

Наконец-то дошло. Надо слушать тех, кто поумнее.

Бесподобно фаршем пахнет.

– Аристарх, ты куда на стол лезешь?

Я понюхать только.

– Ну-ка брысь.

Всё, всё, уже слез. Чё я слов не понимаю, что ли, – сразу биться. У меня задница не железная, а один раз сегодня я уже получал.

О, мамка пришла.

Ты, папик, всё разложил? Всё? Свободен, мы с мамкой будем чебуреки (название идиотское) стряпать.

Ой, ой, ой, исцеловались все. Мимо друг друга пройти спокойно не могут. Тьфу!

– Тебе помочь чего?

Нашёлся помощник.

– Да нет, не надо.

Иди, иди, пиши там. Я помогу.

– Аристарх, пошли, не мешайся.

Ага, как же. Сейчас, уши только причешу. Тут столько вкусного, а я с тобой в комнате сидеть буду? Не дожدهшься!

Мамка, конечно, всё правильно делает: раз пришла на кухню, то сначала любимому коту тарелочку наполни. Только я паштет этот сейчас кушать не буду. Не потому что не хочу. Хочу, и даже очень, только тогда она мне фарша не даст, скажет – питался уже. Паштет-то никуда не денется, папик с мамкой его почему-то не едят (а я ихнюю пищу ем), а вот фарш, наверное, весь на эти чебуреки уйдёт. Так что я лучше подожду.

Даже запах у этого паштета, по сравнению с фаршем, какой-то не такой стал.

– Аристарх, ты чё зажрался, что ли? Опять консерву не ест.

Да не зажрался я – фаршу хочу. Только чур без лука.

– Ага, будет он тебе консерву есть, когда у него мясо и курица под носом.

Во папик даёт – догадался.

– Тогда подожди, сейчас отгадет.

Конечно, подожду, только недолго.

Всё, подождал. Мамка, давай фаршу.

– Аристарх, ты чё опять разорался?

Глупее вопроса я, мамка, ещё в жизни не слышал. У меня в животе революция от предвкушения, и язык в слюне почти утонул, а она вопросы задаёт.

МЯУ!

– Он же холодный.

М-Я-У!!!

– Ну наглый.

МЯ-ЯЯ-УУУ!!!! Я сказал!!!

– Ладно, ладно, не ори. Сейчас дам.

То-то. Но орать я всё равно не перестану.

Потому что просто сил моих кошачьих больше нет терпеть, так фаршу хочется.

– Ну чё, подождать чуть-чуть не можешь?

Не могу.

– Не разгрызёшь ведь.

Ты дай, а дальше уже мои проблемы.

– На, на, орлан длиннохвостый.

.....МММ.....чав.....ням.....чав...чав

– Аристарх, не чавкай.

Угу.....чав.....ням.....чав.....МММ.....О-О-О!

– Всё что ли? Ни фига себе! Ты чего, не жевал совсем?

Жевал... вроде бы.

– Чё он там опять?

Я, папик, фарш кушал.

– Да я ему столовую ложку с горкой положила, разогнута-ся не успела, он уже слупил. И сидит ещё смотрит.

Вкусно же.

– Горазд.

Да, могу.

– Чё, ещё надо?

Не плохо бы.

– А рожа не треснет?

Не треснет, не надейся.

– Тима, этот проглот ещё просит!

А тебе жалко?

– Ну дай ещё.

Молодец папик – правильные слова.

– Ладно, на.

Вот теперь и посмаковать можно. А-то первую порцию я действительно почти не жуя проглотил. И вкуса толком не почувствовал, да и не культурно как-то. Что я, дикий, что ли.

Вкуснотища! Сочный, свежий, холодненький – прекрасный фарш. Ел бы да ел, и больше ничего не делал бы. От такой вкуснятины не только голод утоляется: настроение поднимается, разные хорошие чувства проявляются, и вообще я сейчас готов сам тебя, мамка, расцеловать (если бы умел, конечно), и папика тоже. Потому что так мне хорошо сделалось, что передать невозможно.

Всё, не лезет больше.

Хочется, а не могу уже.

А ну поднатужимся.

Нет, не получается. Под горло желудок набил, так и срыгнуть можно. Сейчас главное резких движений не делать, не то точно обратно вывалится. Потихонечку, потихонечку. На диван залезть не смогу, даже и пытаться нечего. Ладно, вон у тумбочки пока посижу, мордуленцию свою помою. Нет, лучше полежу, только не на животе. Вот на бочок упал, и замечательно.

Эй, меня не трогайте – я в нирване.

А умоемся попозже.

ВЕСЕЛУХА ПРИЛЕТЕЛА

– Аристарх, ты чего сегодня блажишь весь день?

А? Подожди ты, папик, не до тебя мне пока.

Бр-р-рр. Это что такое-то? Кошмары меня чего-то одоле-
ли. То есть один и тот же кошмар. Переел, точно.

Опять эта сволочь приснилась. Ну та, которую я всё никак
разглядеть не могу, а она меня смертным боем бьёт. И по
морде, и по животу, и по остальным частям, и главное не
понятно за что. Только такое чувство, что она, или он, меня
выгнать хочет, а может и убить. А самое противное это то,
что никак мне не удаётся его хотя бы коготочком зацепить
или засечь где он или она. Беспомощный я в этом кошмаре,
как только родился, такой же слепой и неповоротливый. А
тварь эта лупит и лупит, да так, что я по комнате как шарик
надувной летаю. И комната точно такая же, как в первом сне
– неприятная, страшная и холодная. Бр-р-рр.

Насквозь противный сон. Прямо морозит меня после та-
кого сна и шерсть дыбом встаёт.

И ведь спал-то недолго, потому что тяжесть в животе не
совсем прошла, а такого страху успел натерпеться, что, на-
верное, бессонницу заработал.

А чё вы на меня так смотрите, как будто первый раз ви-

дите? Я над вашими рожами молчу, когда вы спросоня.

– Что-то ему нехорошее приснилось.

Правильно, мамка, понимаешь, ещё какое нехорошее.

– Аришашечка, иди сюда.

Ласковый у мамки голос, жалеющий, лапы сами к ней несут, когда у неё голос такой.

– Залазь ко мне.

Вообще-то не очень я люблю на руках сидеть, но иногда приятно, если она мне шею или уши чешет, вот прямо как сейчас. Тут сразу моя тархтелка сама включается, добрый я становлюсь и мягкий как повидло. И ей тоже хорошо – приятно меня гладить, потому что я тёплый и пушистый.

Одно только огорчает, мамку, не меня – не могу я долго в спокойном состоянии оставаться, если не сплю, конечно.

Так что ещё минуту, ну две я потерплю, а потом отпускаяй меня мамка, не то я прямо тут шалить начну. Буду тебя за руки кусать и лапами молотить, причём и задними и передними.

– Аристарх, ты чё спокойно посидеть не можешь?

Конечно... не могу. Вот такая я егоза.

– Ай! Больно же.

А как ты меня башкой об табуретку? Думаешь не больно?

А это кто меня за хвост там тянет? Осторожно так, но чувствительно? Это ты, папик! Двое на одного, да? Ладно, сейчас дождётесь у меня!

Так, вы это... хотя бы по очереди... мамка, не честно, у

меня на затылке глаз нету...

– Злится, злится.

Конечно, тебя бы с двух сторон пальцами стали тыкать, ты бы не злилась? Ты-то ещё ничего, а у папика пальцы твёрдые, как будто железные, и силу он не всегда правильно рассчитывает, так что больно даже иногда.

А-а! Попалась! Вот тебе! Ори, ори.

– Аристарх, отпусти!

Ну теперь вряд ли, сама напросилась.

А сейчас сваливаем. Всё – лежачего не бьют.

– Поцарапал?

Ты чё, папик, с ума сошёл, когда это я мамку царапал?

– Да нет, так прикусил немного.

Вот именно – немного, потому что если бы я за вас всерьёз взялся, это было бы...это было бы... море крови это было бы, вот что. А это я играл просто.

Прекрасно размялся после второобеденного сна, фарш растряс и настроение поднял – полезно время провёл. А как же, не всё коту масленица, а ещё и сметанница, фаршница и шалильница.

Но полезно, это, конечно, хорошо, но надо чтобы ещё и весело было. А как этого добиться? А очень просто – надо что-нибудь весёлое сотворить. Потому что на боку лежать, несомненно, приятно, но веселуха сама не придёт.

Прийти не придёт, а прилететь может. Спросите как? Элементарно. Вон мамка самолётик из бумаги делает для меня.

Сомневаетесь, что для меня? Напрасно. Для кого же ещё, не для папика ведь. Представляю папика, гонящегося за бумажным самолётиком. А кстати, тоже было бы весело, только разрушений потом... и не восстановишь.

Эта! Самолёт самолётиком, а как у нас насчёт чебуреков?

Мамка, ты чё, настряпала уже, что ли? Ну-ка пойду на кухню, гляну.

Конечно, я так и знал, я же умный. Нету чебуреков. Потому что, если бы они уже были, то папик их уже рубал бы, так как он их только в горячем виде признаёт. «Чебуреки – говорит – должны быть свежими и горячими, а не вчерашними и разогретыми». Или он это не про них? А-а, без разницы – главное мысль правильная. Наверное.

Чё-то мамка сегодня ленится. Скоро уже спать надо ложиться, вон темно уже за окном, а ужина у папика нет. Непорядок. Или они опять какой-нибудь праздник затеяли? Да нет, не похоже.

Пойду мамку пожурю, что о папике не думает.

Так, за что бы её пожурить? В смысле за какое место. Ноги у неё, наверное, в тапках спрятаны, руки на груди скрещены – любит она так сидеть. Эх, был бы у неё хвост, я б за него ка-ак... Но нету у неё хвоста.

Как это нету?! Когда очень даже есть. На голове почему-то, а не так, как у меня в... нужном месте.

Ага, в кресле сидишь?! Очень для меня удобно. Я вон на спинку зале-е-езу (чуть не упал) и – вот он хвост.

– Аристарх, перестань.

Иди чебуреки стряпай.

– Он тебе причёску наводит.

Делать мне больше нечего.

– Парикмахер нашёлся. Ой! Больно же!

Иди, говорю.

– Тима, скажи ему.

А я не слушаюсь.

– Аристарх, хватит.

Ты чё, папик, о тебе же беспокоюсь.

Ну и куда ты меня?

У-ух ты! Бесподобный полёт на диван, аж под самым по-толком. А ну-ка ещё разок, мне понравилось.

– Аристарх, лови!

Кого лови? А, самолётик, давай.

Так, так. Та-ак.

Ну и как я его, по-вашему, ловить должен, если ты, мамка, его на шкаф запустила? Я вам что, лягушка, что ли, на такую высоту прыгать? Сама теперь лезь и доставай.

Папик, зырь быстрее – мамка на мебель лезет – умора.

Смотри не навернись, а то кто меня кормить будет. Папик, конечно, тоже может, но у тебя как-то лучше получается.

Осторожней, осторожней. Вот молодец – справилась, почти безболезненно.

Ну теперь давай, запускай по-новой.

– Аристарх, ты чё по мне-то бегаешь, как по проспекту?

А чё я, папик, виноват, что ли, что мамка самолёттик мой куда не надо запускает? То на шкаф, а то вон почти на тебя.

Но заметь – по прямой если, мне бы вообще надо было тебе по голове пробежать, а я свернул вовремя – по животу только. Так что лежи не возникай.

И самолёттик мой не трогай. Не трогай, говорю!

А, ты тоже с нами поиграть намылился. Ладно, согласен, а то я думал ты опять вредничать.

Да вы что, сговорились, что ли? И этот на шкаф. У него никак там аэродром.

Над кем смеётесь? У вас же самолёттик криво парит, не у меня. А то, что я второй раз за день до шкафа не долетаю, так я не самолёт, и меня никто своими неумелыми ручками туда не запускает.

– Сам доставай.

Вот это, мамка, правильно, пусть брюшко своё растрясёт.

Держите меня восемьдесят семь мышей – папик теперь на мебели полез – это что-то будет. Отойду-ка я подальше, а то под ним табуретка так трещит, что не только мамке страшно, а мне тоже.

Только папику ничего. Он хоть и большой у нас с мамкой, но не неуклюжий. Не такой ловкий, как я, конечно, но тоже ничего.

– Аристарх, лови.

Ты слезь сначала.

– Чё не увидел, что ли?

Самолёттик-то? Увидел, конечно. Просто мне хочется поглядеть, как ты с табуретки слазить будешь. Я бы на твоём месте прямо на диван плюх, и замечательно. Хотя если папик на диван плюхнется, да ещё с высоты, то от дивана одна дырка в полу останется, так что ты моего совета не слушай – слазь по-человечески.

Вот, а теперь запускай.

Ха! Поймал! Молодец я, да?

Ну-ка, я сейчас сам попробую. Так ему лапой.

Чё-то у меня не летит. А ну лети! Не хочешь, да? Тогда вот тебе, получай.

– Аристарх, ты же его порвёшь.

А пусть летает.

– Дай ка мне.

На, мамка, только не шкаф.

Оба, снова поймал. А как же, если правильно запускать, то и ловить намного легче. Но всё равно ловкий я до невозможности. Ну что, «мессершмит», у меня полетишь? Последний раз спрашиваю, а потом порву на клочки, на кусочки, на тряпочки.

Нет, да? Ну хорошо. Сейчас я тебе все крылья вырву, как мухе.

– Аристарх, ты чё с самолётом сделал? Взял порвал.

А потому что он не летает, сволочь такая.

– Такой самолёттик хороший был.

Ничего не хороший.

– Не буду больше тебе делать.

Говори, говори, потом всё равно свернёшь, потому что ты, мамка, добрая и незлопамятная, и мне по этой причине можно делать всё что угодно, ну не слишком наглея, конечно.

Могу, к примеру, под полотенце залезть, которое на спинке кресла висит. Кстати, на это дело надо очень ловким быть, потому что не видно из-под полотенца ничего, а кресло, как я уже говорил, очень не приспособлено, чтобы по нему коты лазили.

Вот так – хорошо получилось.

Смотрите – я тигра!

Почему именно тигра, а потому что на полотенце животина эта нарисована, а я как раз сейчас под ним. Видел я эту зверюгу по телевизору, где и змею, ничего себе родственничек. Говорят, огромный он и очень сильный – самый сильный кот на земле. А я чем хуже? Против него у меня только один недостаток всего – я рычать не умею. То есть умею, конечно, но так, как у тигры, не получается. У него-то громко и страшно, как кран водопроводный до того как его папик починил, а у меня почему-то тихо и никто не боится. Жалко. Но в остальном я очень даже на него похож, и усы у меня есть, и хвост и даже полосатый я тоже, вот. Ну а по наглости это мы с ним ещё и поспорить можем.

Ну и чё, никто не боится, что ли? Конечно, уставились в свой телевизор, а на любимого кота ноль внимания. Самолётик три раза кинули и всё, что ли? Единоличники.

И ладно. И не больно-то и надо. У меня своих дел выше холки. Пойду вон в туалет схожу, потому что надо мне в туалет сходить, так как я хоть кот и хулиганистый, но не настолько же, чтобы посреди собственной квартиры гадить. В этом отношении я даже очень культурный, чего и остальным желаю.

Кстати, в коридоре есть очень занимательная вещь. Угадайте что. Ни за что не сможете. А всё просто – это входная дверь. Сама-то она не так уж и интересна (можно, конечно, её немного когтями подрать, ну не её, собственно, а обшивку, но уж больно мамка ругается), а вот то, что за ней, очень меня привлекает. Один раз удалось мне туда выскокить, когда мамка заходила – там классно. Немного холодно, зато ступеньки есть, по которым можно здоровски носиться и вверх и вниз. Больше, правда, мне ничего рассмотреть не удалось, потому что мамка чуть не с воплями за мной ломанулась, схватила и обратно в квартиру занесла. Ещё и отругала. За что? Я же ничего там не разбил, не уронил, даже не укусил никого, потому что там никого не было, а всё равно виноват остался. Непонятно.

Вот бы побегать там, понюхать. Там много всяческих запахов неизвестных, причём как приятных, так и не очень. Больше вторых. Но всё равно, наверное, интересно.

Ну вот пока мечтал и дела свои сделал, теперь и покушать снова можно.

Айда на кухню.

– Аристарх, ты чё опять лопать пошёл?

Ты бы, мамка, чем вопросы глупые задавать, пошла бы и мой туалет вымыла. Я ведь второй раз туда не сяду. И что тут удивительного, что я питаюсь часто? Вам-то хорошо, вы поели и отдыхаете, а я поел и расту. Так-то.

Чего тут у нас? Фарш ещё остался – прекрасно. Вкусная штука, но вот в чём загвоздка – не могу я долго одно и то же есть. Разнообразие в мой рацион надо вносить, так что я сейчас лучше сухариков погрызу, тем более что я их сегодня ещё не ел.

Вот такой я привереда.

СОН В ЛАПУ

Ребца, это что-то будет. Я в шоке! Такие чудеса происходят, что у меня никаких мяуканий не хватает

Папик сегодня от чебуреков отказался. Конец света! Это всё равно, как я бы сам попросился помыться с мылом – невозможное дело! Говорит, что он на диете. Какая такая диета? По-моему, так он на диване, а ни на какой ни на диете.

Что такое вообще эта диета? Если она заключается в лежании на диване, то тогда это мне более-менее понятно, но при этом ничего не кушать, как-то удивительно. Хотя мамка ему капусты накрошила, залила её майонезом (такая дрянь) и он это всё слупил, правда без хлеба, но столько, что если взвесить, то я-то полегче буду.

Сейчас они спать укладываются. Шебуршат на диване чего-то, хихикают, а я должен на кресле сидеть и ждать, пока они успокоятся, потому что спать я могу в любом месте, но предпочитаю на диване, вместе с ними. Тепло.

Ну вот, дождался – лапу отсидел. Вообще день сегодня какой-то неудачный: со шкафа два раза навернулся, мамка меня об табуретку башкой приложила, да ещё сны какие-то мерзопакостные снятся, прямо спать боюсь.

Им-то хорошо, нахихикались, нашебуршились, покурили ещё разок и уже дрыхнут, а меня какая-то жуть разбирает. Приснится опять эта бяка, два раза уже было и всё страшнее и страшнее.

Нет, не буду спать. Буду всю ночь бдить, вот только за мамку залезу (не ворчи, мамка, я тихо), лягу тут – глаз не сомкну. Так если чуток, на минуу ... тточч...

Чё-то как-то холодновато. Опять, наверное, форточку не закрыли.

Ну-ка к мамке потеснее прижмёмся. Хорошо бы вообще под одеяло залезть, только глаза открывать неохота. Ладно, так согреемся.

Собирался я не спать всю ночь, да что-то меня сморило. Ну и ладно. Сны пакостные мне не снятся, а это просто великолепно.

Только как-то не греет меня мамка. Такое ощущение, что её вовсе нет на диване. Гляну-ка я одним глазком.

Ой!

Ой-ёй-ёй!!!

Это ещё что такое?!

Обычно я и в темноте дневным зрением что-то да вижу, а сейчас как будто и глаза не открывал. Ну полная темнота, холодно и ещё запах какой-то омерзительный, хоть не дыши совсем.

Включаем ночник.

МАМОЧКА!!!

Эй, ты кто? Ты чего тут над моими мамкой с папиком стоишь, и не по-доброму на них так смотришь? Ты вообще как сюда попал, а, образина нечёсаная?

МЯУ!

Внимания не обращает.

М-Я-У!!!

Как будто меня и нет здесь совсем.

МЯ-ЯЯ-УУУ!!!! Я сказал!!!

Странно – и мамка на мои вопли не реагирует.

Что тут происходит, я не пойму никак?

Ты куда лапы свои волосатые тянешь?! Это мой папик!

И мамка тоже моя! Ну сейчас я тебя!

Чё-то я встать не могу. Не то что встать, а вообще пошевелиться. И всё холоднее и холоднее. А этот урод уже наклоняется – явно что-то нехорошее задумал. Вроде как человек, только волосатый весь, одни глаза жёлтые сверкают, да так, что смотреть мне на них больно. А вот руки не человеческие, то есть не совсем человеческие – с когтями, огромными, ост-

рыми, страшными. И холод от него идёт, и вонь тоже.

Что же мамка с папиком-то не просыпаются? Не чувствуют, что ли?

Нет, наверняка чудовище это что-то с ними сделало, я ведь тоже шевельнуться не могу почему-то. А ну-ка поднапрячься если.

Не выходит ничего, а грабли его уже почти у папика на лице. Пасть открыл, а там клыков...

Ага, хвост у меня шевельнулся – дело пошло. Сейчас я папик, сейчас.

Есть! Вернулись силы ко мне! Получай по роже своей гнусной. Ишь ты какой вёрткий – не попадёшь ещё с первого раза. Ну что, заметил наконец-то меня? Давно пора. Чё попятился, страшно? Я когда злюсь, мне самому на себя страшно становится. Иди, иди сюда, я тебе покажу, как коготочками надо орудовать.

Ни фиги себе, пропал. В воздухе растворился. Но так ведь не бывает.

У-я! До чего больно!

Вот он, сон-то мой, сбывается. Точь-в-точь. Не вижу я его, а он меня лупит, да так сильно, что у меня в голове всё плывёт, оттого и квартира такая нехорошая стала. В глазах у меня помутилось от боли.

Что ж ты такой нечестный-то, а? Давай, покажись, или трусишь?

А-а-а, чёрт, кажется, лапу заднюю сломал, сволочь.

Как же тебя достать-то?

БО- ОЛЬ-НОО...

Одно хорошо – от мамки с папиком отстал. Давай, давай меня, пожалуйста, а их не тронь! Я тебя за них по волоску разметаю.

О! Опять проявился!

Что, думаешь, справился со мной? Хрена лысого! Я и на трёх лапах тебя достану! Ты только не пропадай больше, давай по-взрослому – один на один. С глазу на глаз.

Я СКАЗАЛ НЕ ТРОГАЙ ИХ!!!!!!

Точно решил, что меня кончил – отвернулся совсем. А у меня девять жизней, как у любого нормального кота. Правда восемь с половиной уже из меня выбили, но я и на половине...

Всё! Попался, урод.

Чё ты там хотел с моими хозяевами сделать, а?

Фу, завоняло. Это я его когтями достал-таки, а он какой-то не прочный. В смысле шкура с него, как с варёного слазит, а под ней... гниль.

Что, опять решил спрятаться? Теперь только вместе со мной, потому что я в тебя, сволочь, все свои здоровые когти и зубы вонзил и ни за что не слезу, пока ты не сдохнешь.

Как-то завертелось всё вокруг и внутри, но успел я заметить, что мамка с папиком невредимые остались.

А ЭТО ГЛАВНОЕ!!!

МЯУ!!!!!! Я СКАЗА...

Э П И Л О Г

Наутро люди проснулись с небольшой головной болью и долго удивлялись, куда делся их любимый питомец.

И даже плакали.

А через месяц им принесли другого котёнка, очень похожего на Аристарха...

К О Н Е Ц